

Арина Родионовна глазами фольклористов

В литературоведении и фольклористике затрагиваются два основных аспекта отношений А. С. Пушкина и няни: во-первых, роль Арины Родионовны в становлении человека и поэта, во-вторых, ее репертуар как сказительницы и песенницы. Изучение этих вопросов затруднено недостатком фактических данных. Скудные биографические сведения об Арине Родионовне, несколько стихотворений Пушкина, посвященных ей, два стихотворения его друга Николая Михайловича Языкова, письма поэта к друзьям и родственникам, отрывочные сведения о няне в воспоминаниях современников поэта – это, пожалуй, и все, что нам известно.

Изучением связей пушкинских сказок и песен с фольклором, поисками их источников и близких вариантов в народном творчестве, исследованием фольклорного репертуара Арины Родионовны, о чем будет сказано чуть позже, занимались такие фольклористы, как Н. Ф. Сумцов¹, П. В. Шейн², В. Ф. Миллер³, Н. Н. Трубицын⁴, М. К. Азадовский⁵, Н. П. Андреев⁶, Ю. М. Со-

¹ Сумцов Н. Ф. А. С. Пушкин: Исследования. Харьков, 1900.

² Шейн П. В. Народная песня и Пушкин: Этюды // Ежемесячные сочинения. СПб., 1900. № 5–6. С. 89–109.

³ Миллер В. Ф. Пушкин как поэт-этнограф. М., 1899.

⁴ Трубицын Н. Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. СПб., 1912.

⁵ Азадовский М. К. Литература и фольклор: Очерки и этюды. Л., 1938. В этой книге помещены три статьи о фольклоризме А. С. Пушкина: «Пушкин и фольклор» (с. 5–64); «Источники “Сказок” Пушкина» (с. 65–105) и «Сказки Арины Родионовны» (с. 273–292).

⁶ Андреев Н. П. Пушкин и народное творчество // Учен. зап. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. 14. С. 39–69.

колов¹, В. И. Чернышев², И. П. Лупанова³, И. М. Колесницкая⁴, Т. В. Зуева⁵ и др. Следует отметить, что, решая одинаковые проблемы, литературоведы и фольклористы пользуются несколько различными методиками исследования. Фольклористам более близка и понятна фольклорная стихия, менталитет народного исполнителя, наконец, в их распоряжении имеется огромное количество фольклорных сборников (и не только русских), в которых они могут найти песенные и сказочные варианты.

Рассмотрим в отдельности те фольклорные жанры, которые, по мнению фольклористов, входили в репертуар няни Пушкина.

Сказки. В. И. Чернышев отмечал, что увлечение взрослого Пушкина сказками, которые в детстве он слышал от прислуги, – это традиция, существовавшая в пушкинские времена среди помещиков, живших в своих деревенских усадьбах. Об этом свидетельствуют многие источники, об этом же говорится и в «Повестях Белкина» (1830). Такая же традиция существовала и в XVIII в. как при дворах русских цариц, так и среди помещиков⁶.

Наибольшее число споров, которые ведутся среди литературоведов и фольклористов, касается количества текстов, которые Пушкин мог записать от няни. Например, В. Ф. Миллер в 1899 г. сообщал:

Мы не знаем точно число сказок, записанных Пушкиным. Но, несомненно, сюда принадлежат: 1) сказка о женихе, переделанная поэтом в превосходную балладу; 2) о рыбаке и рыбке; 3) о царе Салтане; 4) о попе и работнике его Балде; 5) о мертвой царевне и о семи богатырях; 6) о золотом петушке. Кроме этих, обработанных впоследствии Пушкиным сказок, он передал свою запись сказки о царе Берендее Жуковскому, когда в Царском Селе в 1831 году вступил с ним в поэтическое состязание в стихотворной обработке народных сказочных сюжетов...⁷

Также от Арины Родионовны, по мнению Миллера, записана сказка «О купеческой дочери и разбойниках», которую поэт позже переработал в балладу «Жених» (1825). В черновых пушкинских бумагах сохранились

¹ Соколов Ю. М. Пушкин и народное творчество // Литературный критик. 1937. № 1. С. 121–150.

² Чернышев В. И. Пушкин и русские сказки. Записи // Сказки и легенды пушкинских мест. М.; Л., 1950. С. 278–287. (Сер. «Лит. памятники»)

³ Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959.

⁴ Колесницкая И. М. Сказки // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 437–444.

⁵ Зуева Т. В. Сказки А. С. Пушкина. М., 1989.

⁶ См.: Чернышев В. И. Пушкин и русские сказки. Записи. С. 280.

⁷ Миллер В. Ф. Пушкин как поэт-этнограф. С. 25–26.

в сжатом виде пересказы еще нескольких сказок: «...о Кашее бессмертном, его дочери и Иване царевиче; о царе, его неверной жене и царевиче (по-видимому, вариант из цикла Соломоновых сказаний); затем три сказки с “чертовщиной”»¹. Последние В. И. Чернышев относил не к сказкам, а к демонологическим рассказам о проклятых детях².

По этому поводу А. Желанский справедливо заметил, что даже если не все пушкинские сказки принадлежали к репертуару Арины Родионовны, это нисколько не умаляет влияния няни на его творчество³.

В исследовании М. К. Азадовского рассматривались пушкинские записи народных сказок, известные в литературе как «Сказки Арины Родионовны», которые представляют собой раннюю фиксацию некоторых сюжетов, известных лишь в более поздних редакциях. Данные тексты также интересны «и как материал для характеристики индивидуальной художественной манеры того сказочника, от которого слушал их Пушкин»⁴. Это, в свою очередь, позволяет определить, какое место в творчестве поэта занимали сказки и их носитель, то есть Арина Родионовна. М. К. Азадовский поставил перед собой весьма сложную задачу: «установить в какой-то мере объем и характер» репертуара Арины Родионовны, а также «основные характерные черты ее сказительской манеры и ее индивидуального стиля»⁵. Сделать это достаточно сложно, поскольку «сами эти записи не являются дословной передачей текста сказочницы, но имеют характер конспективный, часто даже схематичный. К счастью, в ряде случаев Пушкин сохраняет подлинные выражения народной сказки, – и это облегчает и вообще делает возможным дальнейший анализ»⁶.

Здесь уместно привести наблюдение П. В. Шейна относительно того, что песни, которые поэт записывал сам, он оставлял для своих будущих поэтических работ («заготовил, так сказать, впрок»), а песни же, заимствованные из сборников, использовал для эпиграфов к своим прозаическим произведениям или даже к стихотворениям. Подобное суждение, на наш взгляд, очень интересно для выяснения методики работы поэта с фольклорными текстами.

М. К. Азадовский как опытный собиратель сказочного фольклора отмечал, что некоторые тексты, записанные Пушкиным, явно указывают на то, что их исполнительницей была женщина, и именно Арина Родио-

¹ Миллер В. Ф. Пушкин как поэт-этнограф. С. 26.

² См.: Чернышев В. И. Пушкин и русские сказки. Записи. С. 283.

³ См.: Желанский А. Сказки Пушкина в народном стиле: Балда, Медведиха. О рыбаке и рыбке: Опыт исследования по рукописям поэта с двумя фотоснимками. М., 1936. С. 68.

⁴ Азадовский М. К. Литература и фольклор. С. 273.

⁵ Там же. С. 273–274.

⁶ Там же. С. 274.

новна. Данный вывод ученый делает на основании ряда наблюдений: во-первых, эпизоды, обычно передающиеся сказочниками-мужчинами довольно откровенно и грубо, здесь смягчены; во-вторых, явно смягчены некоторые наказания, которым подвергаются отрицательные персонажи. О том, что пушкинские сказки записаны от одного лица, по мнению Азадовского, свидетельствуют «некоторые особенности, которые позволяют говорить о некоем единстве этих записей»¹. Анализируя их тексты, ученый констатирует, что «Арина Родионовна была не просто няней-рассказчицей, но выдающимся мастером-художником, одной из замечательнейших представительниц русского сказочного искусства»².

Любопытно, что фольклористы, так же как и литературоведы, критиковали своих коллег за попытки принизить роль Арины Родионовны в жизни и творчестве Пушкина. Например, такой известный исследователь, как Ю. М. Соколов, чрезвычайно резко и без каких-либо аргументов обвинил в этом М. К. Азадовского, напечатавшего в 1936 г. в журнале «Литературный Ленинград» статью «Арина Родионовна или братья Гримм». М. К. Азадовский не остался в долгу и через несколько месяцев раскритиковал Ю. М. Соколова за чрезмерное преувеличение роли биографических моментов в эволюции Пушкина-поэта, а также за то, что тот, как и дореволюционные исследователи, объяснял любовь Пушкина к фольклору и к народному языку только влиянием «няни или бабушки, чем, конечно, невероятно суживалось и обеднялось все значение этих фактов»³. Интересно, что, ведя эту полемику, оба исследователя ссылаются на одного и того же раннего пушкинского биографа – П. В. Анненкова. При этом Ю. М. Соколов⁴ опирается на цитату из «Материалов для биографии А. С. Пушкина», изданных в 1855 г., в которой Анненков прославляет Арину Родионовну, а М. К. Азадовский приводит высказывание биографа из другой книги, где тот пишет уже совсем иначе: «Арина Родионовна была действительно верным и усердным посредником в ознакомлении Пушкина с некоторыми примерами и мотивами народной фантазии, но, конечно, не ее слабая и немощная рука указала поэту ту дорогу, на которой он теперь очутился: тут были указатели другого рода и порядка»⁵.

Создавая свои сказки, услышанные ранее в Михайловском от няни, Пушкин дополнил их материалами других народов, например, немецкими — в сказках «О царе Салтане...» (1828), «О рыбаке и рыбке» (1833), «О мертвой царевне и о семи богатырях» (1833), что, по мнению Н. П. Андреева, делает

¹ Там же. С. 275.

² Там же. С. 287.

³ Там же. С. 8.

⁴ См.: Соколов Ю. М. Пушкин и народное творчество. С. 127.

⁵ Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху: 1799–1826. СПб., 1874. С. 300.

данные произведения глубоко интернациональными. Тем не менее, подчеркивает исследователь, сохранение Пушкиным конспективных записей сказок Арины Родионовны – свидетельство того, что «позднейшие пушкинские сказки были построены, конечно, не только на немецких источниках»¹.

В. И. Чернышев, как и многие другие, считал Арину Родионовну важнейшим источником знакомства Пушкина с русскими сказками. Он же писал о малоизученности пушкинских сказок, несмотря на довольно большое количество работ о них. Главную причину этого исследователь видел в недостаточности собранных сказочных вариантов. В. И. Чернышева также не устраивало изучение пушкинских сказок в историко-сравнительном плане (например, работы Ю. А. Яворского, Н. Ф. Сумцова): «...авторская задача, которую ставил поэт, план и построение его повествования, стиль, язык, ближайшие литературные источники – все это оставалось за пределами исследования представителей этой школы»².

Былины. В пушкинском стихотворении «Сон» (1816) есть следующие строки: «В глуши лесной, средь муромских пустыней / Встречал лихих Полканов и Добрыней...» (I, 189). Упоминание «муромских пустыней» Н. Ф. Сумцов почему-то считал свидетельством того, что у Пушкина речь идет о былинах. Однако ни в одном былинном тексте нет сочетания «муромские пустыни», а только – «муромские леса», да и слово «пустыня» явно не присуще фольклорному произведению. Это безусловно книжное слово, о чем писал Л. Н. Майков в примечании к стихотворению «Сон»³. Однако Сумцов, не соглашаясь с доводами Майкова, подчеркивал, что Пушкин, как правило, «правдиво указывает на свои литературные источники, и в настоящем случае упоминание о Добрыне и муромских пустынях прямо приурочено им к воспоминанию о няне. Весьма вероятно, что няня не былины сказывала, а былевые сказки, где, как известно, встречаются значительные отступления от песенного текста былин»⁴.

Апокрифические духовные стихи. Их исследователи также связывают с содержанием стихотворения «Сон», где в одном из фрагментов няня ночью молитвой «уклоняет» от своего воспитанника духов. Н. Ф. Сумцов высказал предположение, что «молитва для уклонения духов» – это апокриф, варианты которого имеются в сборниках заклинаний Л. Н. Майкова и П. С. Ефименко⁵. В подтверждение своего мнения он ссылается на отрывок из письма Пушкина к П. А. Вяземскому от 9 ноября 1826 г., в котором тот пишет, что няня, испугавшись за судьбу воспитанника, «выучила на-

¹ Андреев Н. П. Пушкин и народное творчество. С. 54.

² Чернышев В. И. Пушкин и русские сказки. Записи. С. 283.

³ Пушкин. Соч. / Приготовил и примеч. снабдил Л. Майков. СПб., 1899. Т. 1. Примеч. С. 269.

⁴ Сумцов Н. Ф. А. С. Пушкин: Исследования. С. 110.

⁵ См.: Там же. С. 115, сн. 1.

изусть новую молитву о *умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитву, вероятно, сочиненную при царе Иване» (XIII, 304). Этой же точки зрения придерживался и Ю. М. Соколов, который привел текст молитвы-заклинания из сборника Л. Майкова, взятый из рукописи XVIII в.¹

Обрядовый фольклор. В главе «Народно-поэтические мотивы в сочинениях Пушкина» Н. Ф. Сумцов делает очень интересное наблюдение. Он пишет о том, что в 1830-е гг. русские писатели проявили большой интерес к сказкам: «Благо, материал был под рукой, почерпался из ближайшего к помещицкому быту народного источника, няньки»². В то же время календарно-обрядовый фольклор в их «барские хоромы» не проник, так как исполнялся исключительно крестьянами, а не дворовыми (например, жатвенные песни или колядки)³. Здесь идет речь о специфике репертуара дворовых людей, которая до сих пор не изучена.

Былички. По мнению Н. Ф. Сумцова, в «Евгении Онегине» (1823–1831) прообразом нянь Ольги и Татьяны Лариной была Арина Родионовна: няня говорит Татьяне, что когда-то знала много «старинных былей, небылиц / Про злых духов и про девиц...» (VI, 59). «Демонологические» сказки о волшебниках и мертвецах упоминаются также в стихотворении «Сон».

Предания. В. И. Чернышев пишет о том, что Арина Родионовна рассказывала Пушкину «семейные предания о его предках Ганнибалах и других родных и знакомых лицах, повести сказочно-бытового и демонологического характера: о разбойниках, привидениях, домовых, русалках и т. д.»⁴ По-видимому, эту информацию исследователь взял из стихотворения Н. М. Языкова «К няне А. С. Пушкина» (1827), в котором говорится о том, что Арина Родионовна занимала самого поэта и его гостей

Про стародавних бар пленительным рассказом,
Мы удивлялися почтенным их проказам...⁵

Позднее, в другом стихотворении, «На смерть няни А. С. Пушкина» (1830), Языков вновь вспоминает о рассказах Арины Родионовны про старинный помещицкий быт. Как отмечают исследователи-фольклористы (например, Ю. М. Соколов), Арина Родионовна была блестящим мастером-рассказчиком, судя по отзывам самого Пушкина и его друзей и биографов.

Кроме того, в одном из эпизодов стихотворения «Сон» повествуется о том, как в детстве няня, перекрестив воспитанника, «шепотом» рассказывает ему о мертвецах (I, 189).

¹ См.: Соколов Ю. М. Пушкин и народное творчество. С. 129.

² Сумцов Н. Ф. А. С. Пушкин: Исследования. С. 263.

³ Там же. С. 264.

⁴ Чернышев В. И. Пушкин и русские сказки. Записи. С. 279.

⁵ Языков Н. М. Соч. Л., 1982. С. 106.

Шутки, приговорки, небылицы. Об этих малых жанрах фольклора идет речь в пушкинском стихотворении «Сват Иван, как пить мы станем...», написанном в 1833 г., уже после смерти Арины Родионовны. Тем не менее Н. Ф. Сумцов высказал предположение, что под именем умершей Пахомовны поэт имел в виду свою покойную няню. В этом же стихотворении упоминаются и «былины православной старины» (III, 308). Однако, на наш взгляд, Пушкин имеет в виду не былины, а всего лишь предания.

Повесть «Бова». В лицейский период Пушкин работал над поэмой «Бова» (1814), которая упоминается в стихотворении «Сон»: «мамушка», то есть Арина Родионовна, рассказывает мальчику «о подвигах Бовы» (I, 189).

О Бове рассказывала своей воспитаннице Ольге Лариной и ее няня, прообразом которой, как уже отмечалось, могла быть Арина Родионовна. Напомним, что популярная в те времена повесть о Бове-королевиче первоначально представляла собой средневековый роман, известный у некоторых европейских народов. Проникнув в Россию, она стала чрезвычайно распространенной в народной среде и спустя некоторое время уже бытовала в сказочно-народной форме. Как справедливо отметил Н. П. Андреев, в пушкинские времена «“Бова” воспринимался как материал подлинно народный»¹.

Песни. Известно, что Пушкин, как и большинство собирателей того времени, не паспортизовал свои записи песен, поэтому сложно определить, какие из них он записал от своей няни. П. В. Шейн обратил внимание на две песни из репертуара Арины Родионовны, упомянутые в пушкинском стихотворении «Зимний вечер» (1825). Обнаружив в антологии А. И. Соболевского «Великорусские песни» шесть их вариантов из печатных и рукописных песенников, исследователь сделал важное наблюдение о репертуаре дворовых людей. Так, исследователь писал:

В стихотворении «Зимний вечер» <...> Пушкин, обращаясь к подружке бедной своей юности <...> говорит: «Спой мне песню, как синица / Тихо за морем жила, / Спой мне песню, как девица / За водой по утру шла». Обе названные в этих строках песни <...> были в большом распространении исстари и во время Пушкина как в народе, так и среди дворовых и даже поместных дворян.²

П. В. Шейн также отметил, что зачин трех вариантов первой из упомянутых в пушкинском стихотворении песен одинаков: «На море синичка не пышно была...»; два текста начинаются со слов: «За морем синичка не пышно жила»; наконец, один вариант начинается со слов: «За морем си-

¹ Андреев Н. П. Пушкин и народное творчество. С. 52.

² Шейн П. В. Народная песня и Пушкин. С. 106.

ничка богатая жила...». При этом только у Пушкина сказано: «Как синица тихо за морем жила...». По мнению Шейна, это либо «вариант, подслушанный им где-нибудь в народе, или это изменение сделано потом»¹. Вторая народная плясовая песня «Как девица за водой по утрам шла...», как указывает Шейн, была еще более распространена и бытовала среди дворян, дворовых и служивого сословия. Ее начало следующее: «По улице мостовой, / Шла девица за водой...»².

В статье «А. С. Пушкин среди творцов и носителей русской песни» В. И. Чернышев объяснил употребление слова «тихо» в пушкинском тексте: дело в том, что поэт «не цитировал начало песни, первой и второй, а только указал на это начало в своей стихотворной передаче, вследствие чего и во второй песне у него оказалось слово “по утрам”, которого тоже нет в вариантах этой песни»³. Кроме того, Чернышев, в отличие от Шейна, считал вторую песню, цитированную Пушкиным, «относительно новой плясовой», распространенной в большей степени среди дворовых и мещан, чем среди крестьян⁴. Как известный фольклорист-собирающий и лингвист-диалектолог Чернышев сделал также важное наблюдение о разном звучании песен. Так, по указаниям старинных песенников, песня о синице поется важным и торжественным голосом («голосом огромным»), а песня «По улице мостовой...» имеет «веселый затейливый напев, с резкими переходами тонов и изменениями темпа, интонаций и ударений»⁵. Отсюда и вывод исследователя: «Если няня Пушкина могла хорошо исполнять подобные разнообразные по напеву песни, то, очевидно, она была искусная певица, до старости владела голосом и знала не только старый, но усваивала и новейший песенный репертуар»⁶.

Колыбельные песни. Есть все основания считать, что Арина Родионова пела и колыбельные песни. Об этом свидетельствует стихотворение «Наперсница волшебной старины...» (1821–1822). В нем поэт рассказывает «о веселой старушке», которая «...детскую качая колыбель, / Мой юный слух напевами пленила...» (II, 272). А какие еще песни, кроме колыбельных, могла петь женщина, качающая колыбель?

Итак, таковы основные фольклорные жанры, входившие в репертуар Арины Родионовны. Следует отметить, что дальнейшее изучение их фольклористами перспективно лишь в отношении сказок.

© Розов А. Н., 2017

¹ Там же. С. 107.

² Там же.

³ Чернышев В. И. А. С. Пушкин среди творцов и носителей русской песни // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Л., 1930. Вып. 38–39. С. 91.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 91–92.

⁶ Там же. С. 92.

Пушкин и другие (двадцать лет спустя)

Сборник статей к 80-летию
Сергея Александровича Фомичева

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)
П91

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Составители С. В. Денисенко и Н. Л. Дмитриева
Научные редакторы М. Н. Виролайнен и С. Б. Федотова

Вic: DSB
Bisac: LIT004240

Pushkin and the Others (Twenty Years After): Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev

Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev contains articles of Fomichev's successors including his former postgraduates, members of the Pushkinsky Seminar he held with V. E. Vatsuro, Pushkin Studies Department staff educated and developed under the guidance of Mr. Fomichev and just junior associates constantly consulted with him.

П91 **Пушкин** и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 471 с. — (Серия «Lyceum»).

ISBN 978-5-521-00671-7

В сборник статей, посвященный 80-летию Сергея Александровича Фомичева, вошли статьи его коллег и исследователей, считающих себя учениками Сергея Александровича. Среди них его бывшие аспиранты, участники Пушкинского семинара, который он вел несколько лет вместе с В. Э. Вацуро, сотрудники Отдела пушкиноведения, выросшие и сформировавшиеся под его руководством, просто младшие коллеги, постоянно пользовавшиеся его советами и консультациями.

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Денисенко С. В., Дмитриева Н. М.,
составление, 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

ISBN 978-5-521-00671-7